

Наталья Демичева. Специфика редакций «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород»	231
Алина Алексеева. Косинская редакция Жития Моисея, архиепископа Новгородского	241
Михаил Люстров, Андрей Люстров. Северные петиметры, или Позволительно ли воспитанному юноше посещать Париж?	258
Алина Бодрова. К истории замысла и текста пушкинских «Бесов»	266
Александр Кобринский. Вольф Эрлих и Николай Ильин (Нилли): вакханты и ивановский подтекст	286
Александра Пахомова. Константин Вагинов в Ленинградском Союзе поэтов	303
Варвара Васильева. Рассказ С. Д. Кржижановского «Квадратурин»: к вопросу о «коммунальном тексте» русской литературы	317
Виктор Димитриев. «Рассеянная» память в прозе В. С. Варшавского 1920–1930-х годов	325
Елена Кочегарова. Перевод как интерпретация («Три сестры» А. П. Чехова на испанском языке)	339

Тираж 500 экз.

2016 XII (3)

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2016 (3)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виноцкий (Филадельфия, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (ответственный редактор),
О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru
<http://schoolssummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2307-5945 = Letná škola

© Авторы статей, 2016

© «Летняя школа по русской литературе», 2016

Информация об авторах

Наталья Демичева, студентка Московского государственного университета, Москва, Россия
natadem@bk.ru

Алина Алексева, студентка Московского государственного университета, Москва, Россия
alevtina.sergeevna@gmail.com

Михаил Люстров, доктор филологических наук, профессор РАН, и. о. заведующего отделом древнеславянских литератур Института мировой литературы РАН, Москва, Россия
mlustrov@mail.ru

Андрей Люстров, учащийся школы № 1210 г. Москвы, Москва, Россия
almlamalm@mail.ru

Алина Бодрова, кандидат филологических наук, старший преподаватель национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
allinnbod@gmail.com

Александр Кобринский, доктор филологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
444-44-4@list.ru

Александра Пахомова, студентка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
alexandrit_94@mail.ru

Варвара Васильева, студентка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
arbenin_pechorin@mail.ru

Виктор Димитриев, аспирант Института русской литературы РАН, Санкт-Петербург, Россия
ganthenbein@gmail.com

Елена Кочегарова, студентка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
kochegarovaes@gmail.com

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВА
(Санкт-Петербург)

РАССКАЗ С. Д. КРЖИЖАНОВСКОГО «КВАДРАТУРИН»: К ВОПРОСУ О «КОММУНАЛЬНОМ ТЕКСТЕ» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья посвящена рассказу С. Д. Кржижановского «Квадратури́н», прочтение которого опирается на две теории, обнаруживающие определенное сходство между собой, — концепцию гетеротопии М. Фуко и идею литературного сверткста В. Н. Топорова. Такой методологический синтез позволяет, с одной стороны, определить функцию интертекстуальных связей рассказа, с другой — вписав данный текст в литературную традицию, выявить его специфические черты.

Ключевые слова: С. Д. Кржижановский, пространство, гетеротопия, коммунальный текст, петербургский текст.

The article is devoted to Krzhizhanovsky's short story "Kvadraturin", which can be interpreted relying on two similar theories such as Foucault's concept of heterotopia and Toporov's idea of extratext. On the one hand, this methodological synthesis allows a functional determination of intertextual relations in the story. On the other hand, it may help to reveal a plenty of specific features inside the text, inscribing it in the literary tradition.

Key words: S. D. Krzhizhanovsky, space, heterotopia, communal apartment text, Petersburg text.

Мишель Фуко писал о XX веке как об эпохе, смещающей фокус зрения с идеи истории, которой был так поглощен XIX век, на идею пространства и предлагающей иной способ обращения со временем.¹ По мысли французского философа, проблема локализации как формы презентации пространства оказывается центральной в современном обществе и определяет характер взаимоотношений между людьми (или человеческими элементами, в терминологии Фуко), их связь

¹ Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. Ч. 3. С. 191.

и местоположение в системе мира. Исследователь выделяет два типа «других пространств», находящихся в связи с остальными и, однако же, противоречащих всем остальным местоположениям: утопии и гетеротопии. Последние оказываются «реальными, подлинными местами, местами, вписанными в конкретные общественные институты, но служащими своего рода „контрместоположениями“, своего рода фактически реализованными утопиями, в которых реальные местоположения, все остальные реальные местоположения, какие можно найти в рамках культуры, сразу и представляются, и оспариваются, и переворачиваются...»¹

Опираясь на ключевые положения небольшой работы Фуко «Другие пространства», современная исследовательница Даниела Лугарич Вукас рассматривает на материале рассказов Ю. Мамлеева «Вой» и Н. Садур «Синяя рука», а также эссе Л. Рубинштейна «Коммунальное чтение» коммунальную квартиру как гетеротопию. При этом, по мысли Вукас, «коммунальный феномен советской и российской повседневности „перемещен“ не только в ненормативное, „другое“ пространство (гетеротопию), но и в ненормативное, „иное“ время (гетерохронию), производя таким образом „другую историю“». ² В качестве основных аргументов в пользу такого предположения Вукас приводит следующие: «её (коммунальной квартиры. — В. В.) общественная функция в качестве дисциплинирующего механизма»; ³ девиантное поведение жильцов; особый характер времени, «которое как будто не течет и пребывает само в себе и которое можно определить выражением „дурная бесконечность“». ⁴ Однако главным аргументом здесь все же является тот факт, что коммунальная квартира сосредотачивает в себе пространства, оценивающиеся в культуре как несовместимые по причине своей принципиальной противоположности, — интимное, личное пространство и про-

¹ Там же. С. 196.

² Вукас Д. Г. Коммунальная квартира как гетеротопия // *Literatūra*. 2015. Vol. 57. Issue 5. P. 209 (см.: http://www.literatura.flf.vu.lt/wp-content/uploads/2015/11/Literatūra_57_5_198_210.pdf (дата обращения 30. 10. 2016)).

³ Там же. Р. 201.

⁴ Там же. Р. 207.

странство публичное. Также Вукас обращает внимание на присущую всем текстам, описывающим коммунальную квартиру, особенность: *«человеческий субъект в „коммунальных текстах“ превращается в (неодушевленный) объект»*¹ (наличие этой общей черты позволяет говорить о совокупности «коммунальных текстов» как о едином тексте). Исследовательница не ссылается в своей статье на работу В. Н. Топорова «Петербургский текст русской литературы», однако возможность пересечения мифопоэтической теории отечественного литературоведа с философскими выкладками Фуко в точке определения «иных» культурных пространств существует. Объект научной мысли здесь, вероятно, один, разнятся лишь языки его описания и ракурс видения: определенный круг текстов русской литературы воспроизводит существующие в культуре представления об особом пространстве, выделяющемся за счет специфики своего устройства на фоне нормы и привлекающего пристальное внимание писателей (в данном случае).

Культурный миф, как и гетеротопия, исторически изменчив. Так, коммунальная квартира, явление советской действительности, вероятно, оказывается в каком-то смысле параллельна в плоскости культурной истории доходному дому XIX века. По крайней мере, в литературной традиции образы комнат, снимаемых героями в чердачных помещениях (комната Раскольников в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, комната Дудкина в романе «Петербург» А. Белого и др.), становятся своего рода прототипами будущих литературных коммунальных квартир и, соответственно, оказываются типологически соотносимы с ними: те же убогость, теснота, замкнутость при парадоксальном отсутствии уединенности и защищенности, те же суматоха и шум. В связи с этим можно попытаться смоделировать единый свертхтекст, описывающий такой тип жилого помещения, по отношению к которому и названные романы Достоевского и Белого, и отдельные произведения Зоценко, Булгакова, Хармса, Довлатова, Мамлеева, Садур и др. предстают как вариации и реализации.

Некоторые произведения С. Д. Кржижановского, вероятно, также относятся к этому гипотетически существующему

¹ Там же. Р. 209. Курсив автора. — В. В.

«коммунальному тексту» или, по крайней мере, вписываются в данную литературную традицию.

Фабульная схема рассказа «Квадратурин» служит разоблачению идеи расширения, «ращения» пространства изнутри: к герою, некоему Сутулину, проживающему в тесной, маленькой комнате в коммунальной квартире, неожиданно наведывается незнакомец и оставляет ему удивительное средство «Квадратурин», благодаря которому можно увеличить метраж помещения. Реализация этой возможности приводит к необратимым, катастрофическим последствиям — Сутулин остается внутри бесконечно расширяющегося пространства, без возможности из него выбраться. Сюжет рассказа является одним из бесчисленных вариантов протосюжета о договоре с дьяволом, что подтверждается не только отсутствием у незнакомца имени, его скрытностью и торопливостью, всевозможными странными потусторонними чертами его образа, но и наличием интертекстуальных связей рассказа с романом А. Белого «Петербург». Сцена разговора Сутулина с незнакомцем напоминает сцену из шестой главы «Петербурга», в которой Александр Иванович Дудкин в бреду беседует со своей галлюцинацией — неким Шишнарфнэ, чей образ также имеет дьявольские черты. В ходе диалога Дудкин спрашивает у своего гостя: «„Вы, господин Шишнарфнэ, — говорил Александр Иванович, обращаясь к пространству (Шишнарфнэ-то ведь уже не было), — может быть являетесь паспортистом потустороннего мира?“». ¹ Такое же совмещение административно-социальной практики с мистическим, бевсовским началом наблюдается и в рассказе Кржижановского. С острающим эффектом иронии в текст вводится символический жест закрепления договора с дьяволом кровью, трансформированный здесь в подпись в документе: «...и гость стал быстро перелистывать вынутую из того же портфеля конторского типа книжечку — простая подпись в книге благодарностей (краткое изъяснение, так сказать)», ² — в то время как в романе Андрея Белого Шишнарфнэ предлагает Дудкину:

¹ Белый А. Петербург. М., 1981. С. 297.

² Кржижановский С. Д. Квадратурин // Собр. соч.: В 6 т. СПб., 2001. Т. 2. С. 450.

«...остается вам совершить окончательный пакт для получения паспорта; этот паспорт — в вас вписан; вы уж сами в себе распишитесь, каким-нибудь экстравагантным поступочком, например...»¹ В результате Дудкин совершает самоубийство, а Сутулин, желая освободиться от губительной в метафизическом смысле тесноты того пространства, в котором он вынужден пребывать, оказывается в бесконечно расширяющемся пространстве, оборачивающемся для него той же гибелью.

Пространство, характерное для изначальной картины мира рассказа и остающееся таковым до центрального события (т. е. до разрастания), можно определить как тесное, замкнутое, изолированное. В описании комнаты Сутулина несложно заметить отсылку к деталям изображения комнаты Раскольников: «Сутулин, не подымаясь с кровати, протянул — привычным движением — ногу навстречу стуку и, вдев носок в дверную ручку, дернул»² и «Вся его комната была такого размера, что можно было снять крюк, не вставая с постели».³ Показательно, что своеобразным прототипом комнаты героя после ее превращения, т. е. комнаты бесконечно расплзающейся, стало также описание Достоевского — описание комнаты Сони Мармеладовой: «Стена с тремя окнами, выходящая на канаву, перерезывала комнату как-то вкось, отчего один угол, ужасно острый, убежал куда-то вглубь, так что его, при слабом освещении, даже и разглядеть нельзя было хорошенько; другой же угол был уже слишком безобразно тупой».⁴ Кржижановский развивает идею асимметричности комнатного пространства и доводит ее до предела в свойственной модерну игре с сознанием: «...он <...> заметил, что комната вырослась не совсем равномерно: наружный угол, затупившись, гнал стенку куда-то вкось...»;⁵ «Вся комната, растянутая и уродливо развороченная, начинала пугать и мучить».⁶ Если пространственное решение идеи расплзающейся комнаты

¹ Белый А. Петербург. С. 289.

² Кржижановский С. Д. Квадратурин. С. 449.

³ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 6. С. 73.

⁴ Там же. С. 241.

⁵ Кржижановский С. Д. Квадратурин. С. 453.

⁶ Там же. С. 455.

Кржижановский находит в романе Достоевского, то философско-мистическое ее основание обнаруживается как раз в «Петербурге» Белого: абстрактная мысль Дудкина о том, что его убогая комната и есть мировое пространство («Я называю тем (мировым. — В. В.) пространством мое обиталище на Васильевском Острове: четыре перпендикулярных стены, оклеенных обоями темновато-желтого цвета»¹). Конечно, это воплощение отнюдь не является реальным, однако оно переживается героем на уровне эмпирическом — как физическое явление, имеющее место в действительности. Именно в этой точке два литературных претекста, входящие в «петербургский текст» русской литературы, пересекаются и становятся, условно говоря, поводом для нового текста. Таким образом, из освоенного культурой мифа о Петербурге «вычленяется» миф о тесной, бедной, убогой комнате, которая в скором будущем литературы станет комнатой в коммунальной квартире и уже не будет закреплена за определенным городом.

Рассказ «Квадратуриин» предлагает несколько вариантов прочтений, не исключаящих, но, напротив, дополняющих друг друга: это и сатира на советскую действительность, в которой люди, разделенные тонкими стенками и проживающие на катастрофически близком друг от друга расстоянии, не в состоянии просто заметить сходящего с ума соседа в его безграничном одиночестве; и сказочный, мифологический сюжет об опасности желаний; и философское вопрошание о человеческой природе, постоянно констатирующей свою противоречивость. Однако специфическим для творчества Кржижановского, как представляется, является все же философский его аспект. В данном рассказе он связан с выходом к экзистенциальной проблематике: мечта героя о другом пространстве, противопоставленном коммунальному, бытовому, вещному, оборачивается выпадением из любых пространств, т. е. смертью. Человеку Кржижановского претит материальность мира, неспособная адекватно передать его духовное содержание, и этот человек стремится к невозможному для него совмещению вещного с вечным, которое наиболее полно выражено в евангельском образе Христа, периодически появляю-

¹ *Белый А.* Петербург. С. 90.

щемся в творчестве писателя. Именно поэтому философское осмысление проблемы человеческого существования отчетливее всего звучит в финале рассказа; в нем обыгрывается библеизм «глас вопиющего в пустыне», с помощью которого вводится также мотив одиночества: «кричать в пустыне заблудившемуся и погибающему и бесполезно, и поздно».¹ Выходит, что бегство человека от губительной для него материальности в безграничные просторы сознания грозит ему абсолютной изолированностью, недоступностью для других людей, поскольку путь в чужое сознание возможен только через язык. Язык же неизбежно обманывает человека, так как, являясь лишь формой смысла, не может передать суть целиком (проблема, неоднократно возникающая в творчестве Кржижановского). По этой причине, вероятно, диалогические реплики в рассказе оказываются такими фрагментарными и схематичными, в них много эллипсисов. «Вот именно: спичечная коробка»,² — так начинается разговор незнакомца с Сутулиным. Да и сам Сутулин выражается похожим образом: «„Ну-ну. Попробуем. Хотя“».³ Так же, впрочем, как и хозяйка квартиры: «„Безобразия. Мне чтоб этих жильцов из-под юбки... Крик разводить?!“»⁴ Примечательно при этом, что самая последняя мысль Сутулина, уже обреченного на смерть в бесконечно расплывающемся пространстве своего сознания, даже не находит конкретного вербального выражения: повествователь использует наречное местоимение «так», которое само по себе не имеет определенного значения, но лишь указывает на него («...но если все же — вопреки смыслам — он кричит, то, наверное, так»⁵). На уровне повествования эта же мысль проявляется, что немаловажно, только в специфическом контексте, складывающемся благодаря возможностям художественной формы: имеется в виду отсылка к тексту Евангелия через употребление фразеологизма «глас вопиющего в пустыне». Значение этого фразеологизма в первой главе Евангелия от Иоанна (впервые он появляется в Книге

¹ Кржижановский С. Д. Квадратурин. С. 460.

² Там же. С. 449.

³ Там же. С. 451.

⁴ Там же. С. 452.

⁵ Там же. С. 460.

пророка Исайи, 40: 3) можно определить следующим образом: проповедующий истину Иоанн Креститель не в состоянии донести ее до фарисеев, но он возлагает надежды на силу вернейшего Слова — на самого Христа. Так проблема языка в рассказе Кржижановского парадоксальным образом формулируется на стилистическом уровне — через интертекст.

В свете концепции гетеротопии парный к «Квадратурину» в сборнике «Чем люди мертвы» рассказ «Комната радости», на первый взгляд, существенно отличается: дом главного героя — это отдельная квартира, в которой он довольно благополучно проживает вместе со своей семьей. Однако внутри этой квартиры Трынин, герой рассказа, не может найти места для себя, для своей радости, для личных переживаний, что обнаруживает в пространстве пребывания героя черты «коммунальности»: он всегда окружен людьми, вещами, предметами быта. В результате он утрачивает свою субъективность, расщепляясь на двух героев или, что в мире рассказа равнозначно, приобретая двойника по фамилии Травин. Немаловажным представляется и то, что в рассказе присутствуют интертекстуальные связи с повестью Достоевского «Двойник», входящей, наряду с многими его произведениями («Преступление и наказание», «Белые ночи», «Бедные люди», «Униженные и оскорбленные» и др.) и романом Андрея Белого «Петербург», в «петербургский текст» русской литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Белый А.* Петербург. М., 1981.
2. *Вукас Д. Г.* Коммунальная квартира как гетеротопия // *Literatūra.* 2015. Vol. 57. Issue 5. P. 198–210 (см.: http://www.literatura.fff.vu.lt/wp-content/uploads/2015/11/Literatura_57_5_198_210.pdf (дата обращения 31. 05. 2016)).
3. *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 6.
4. *Кржижановский С. Д.* Квадратурин // Собр. соч.: В 6 т. СПб., 2001. Т. 2. С. 449–460.
5. *Фуко М.* Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. Ч. 3. С. 191–204.